

Глава 137 После пробуждения Чэнь Жуна

Чэнь Жун провел беспокойную ночь. Над ним кружились смерчи эфира, втягиваясь в тело омеги и выходя из него. Где-то в городе, поместьях и храме, стремительно росли кораллы.

Он продолжал ворочаться. Время от времени из его закрытых глаз капали слезы. Внутри огнем горели магические каналы, вновь перестраиваясь и укрепляясь. Пространство и ядро стремительно расширялись.

В свете свечей слёзы переливались и сверкали в лунном свете, обращаясь камнями силы и тонко звякали, стучаясь друг о друга и с глухим стуком скатываясь на пол.

Наконец наступил рассвет.

Чэнь Жун медленно открыл глаза. Магия уже сделала свое дело, регенерировав все телесные повреждения. Внутренняя магическая буря успокоилась.

Он рассеянно посмотрел за оконные шторы.

Постепенно его глаза обрели некоторую ясность.

Он пытался осмотреться, но вскоре замер. Фигура в белом что-то писала перед его кроватью. В солнечном свете, его высокий и красивый взгляд ослепил Чэнь Жуна. Он явно сидел там, но казалось, что его окружают облака.

Мужчина поднял голову и улыбнулся ему, услышав шорох.

Инстинктивно он улыбнулся ему в ответ.

Он моргал и моргал, но Цилан не исчезал. Он решился на одно слово:

— Ты.

— В чем дело? — с улыбкой посмотрел на него Цилан, его голос был нежен, как вода.

Чэнь Жун быстро заморгал и потрясенно обнаружил, что он все еще там.

— Цилан, как ты можешь здесь находиться?

Он вдруг почувствовал, что что-то не так.

Он посмотрел вниз.

Одеяло соскользнуло, обнажив полустертые синяки на теле... на нем не оказалось никакой одежды!

Чэнь Жун поспешно потянулся, чтобы натянуть на себя одеяло, а затем посмотрел на Ван Хуна.

Его лицо становилось все бледнее и бледнее.

Он снова опустил голову и тихонько приподнял одеяло, чтобы еще раз поглядеть туда.

Он был совершенно ошеломлен увиденным.

— Разве это был не сон прошлой ночью? — спустя какое-то время спросил он рассеяно.

В этот момент Ван Хун отложил кисть. Он посмотрел юному магу в лицо, игривая прядь волос скользнула ему на щеку.

— Да, прошлая ночь не сон, — сказал он, как обычно нежным голосом.

Чэнь Жун медленно поднял голову. Он растерянно уставился на него и снова спросил:

— Мы ... спали вместе?

Голос Ван Хуна оставался ровным и мягким. Он посмотрел на него с улыбкой.

— Да. Ты инициирован как омега.

Чэнь Жун закрыл свои глаза.

Плотно закрыл.

— Мы, не связанные узами брака... два омеги, один из которых несовершеннолетний, спали вместе? — переспросил он опять спустя некоторое время.

Ван Хун все еще смотрел в сторону, убирая прядь волос с лица.

— Да.

Чэнь Жун медленно сел.

Одеяло соскользнуло вниз, и перед его глазами предстало его прекрасное тело.

Чэнь Жун не чувствовал ничего плохого в своей внезапной наготe. Он сел и позволил своим нечесаным волосам скрыть опущенное лицо.

— Ты собираешься жениться на мне? — тихо спросил он.

...

Повисло долгое молчание.

Чэнь Жун усмехнулся.

— Верно, — констатировал он хрипло, — Как ты можешь жениться на мне? Но я все равно должен был спросить, Тебе не кажется?

В комнате было очень тихо, и не слышалось ни малейшего звука.

— Цилян, что ты теперь будешь делать со мной?

Спустя долгое время, Ван Хун тихо сказал:

— Я сохранил доказательства того, что ты потерял свою девственность со мной. — Он указал на сложенный шелковый платок на столе. — К тому же этому есть свидетельницы. А Жун, ты все еще можешь стать моим благородным наложником.

— Благородным наложником?

— Да.

Он усмехнулся.

— Омега в силе?

А после, медленно поднял взгляд.

Проведя пальцами по волосам, так что еще несколько запутавшихся в волосах камушков

застучали по полу, он склонил голову набок, глядя на Ван Хуна с приподнятыми в улыбке уголками рта. На камушки он даже не обратил внимания.

— Могу ли я по-прежнему стать твоим почетным наложником без предварительной помолвки?

Его голос прозвучал немного странно. Ван Хун только пристально смотрел на него, не отвечая.

Он снова улыбнулся. Посмотрел на него и тихо позвал:

— Цилан.

— Ммм.

— Даже если я войду в дом Ван в Лан'я как почетный наложник, у меня никогда не получится жить там достойно, не так ли? — голос юноши звучал укоризненно, словно обличая старшего мага в неправде. Ранее он отказался от предложения Ван И. И все же теперь он переспал с Ван Хуном вне брака... насколько же он презренный. Почтенный наложник, вроде него, хуже обычного наложника. Ведь предыстория будет известна всем. Он станет почти бесправной собственностью Рода Ван Лан Я.

— Не бойся, — мягко сказал ему Ван Хун, подвигая в его сторону бархатный кошель с чем-то. — Это саморожденные кристаллы силы, побочный результат инициации. Большое приданое. Тебя будут уважать.

— Что? — Чэнь Жун засмеялся, и глаза его засверкали. Когда он наклонился вперед, его волосы упали, скрывая помеченное любовью тело. — Оставь их себе. Ведь ты старался. Я лишь возьму это.

Он посмотрел на него с улыбкой без улыбки и жестом вызвав небольшой сгусток огня спалил шелковый платок с кровью. После чего безразлично сказал:

— Цилан, ты согласишься, что я убивал раньше?

Его слова удивили Ван Хуна. Он не понимал, почему тот сказал это.

Чэнь Жун слегка ухмыльнулся. Его совершенное тело и прекрасное лицо сияли в лучах утреннего солнца. Синяки сходили на глазах. Он рассмеялся.

— Я убил достаточно людей... и не все они были мужчинами, были и женщины.

Ван Хун нахмурился. Его взгляд покинул изысканное тело юного омеги. Глядя ему в

прозрачные как весеннее небо, глаза, он мягко сказал:

— А Жун, ты устал, — он так хорошо знал его историю, что решил, что тот бредит.

Однако взгляд Чэнь Жуна был не только очаровательным, но и совершенно трезвым, и он вовсе не выглядел безумным. Он наклонил голову, его глаза сверкнули неоном, и он слабо улыбнулся.

— Даже моя двоюродная сестра, если бы она сейчас не находилась в другом месте, была бы убита мной...

Пока он говорил, Чэнь Жун поднял одеяло и спустился с кровати. Он только что потерял девственность, но не стеснялся показывать свое обнаженное тело, что в эти времена было крайне предосудительно, и открыто спускался с постели перед ним. Ван Хун почувствовал, что это тело-лучшее творение небес, потому что оно было потрясающе красивым. Не только тело, но даже юное лицо больше не несло в себе робости, настороженности и страха прошлого. Теперь улыбка юноши была завораживающе холодной. Даже жутковатой.

— Есть кто-то снаружи? — крикнул он, прошествовав босым по полу.

— Да, — ответила А Чжи. Бамбуковая дверь открылась, впуслав ее и еще одну служанку с тазом и одеждой.

Войдя, они были поражены, увидев обнаженного Чэнь Жуна, спокойно улыбавшегося в солнечном свете.

Они быстро отвели взгляды, и подошли к нему.

Чэнь Жун посмотрел на одежду на подносе и сладко улыбнулся.

— Почему это желтое ханьфу? Иди, принеси сюда белый наряд.

Он их смутил. Если они правильно помнят, не так давно молодой мастер говорил, что не носит белого.

На мгновение замерев, А Чжи затем ушла за нарядом. Чэнь Жун тем временем надел нижние штаны и ноговицы, скрыв нижнюю часть тела. Белье было из приятного тонкого мягкого шелка, а ноговицы из более плотного с подошвой из мягкой кожи. Очень комфортно. Юноша ничуть не стеснялся одеваться перед свидетелями. И Вторая служанка наконец могла смотреть на него искоса, но уже не краснея в такой степени. Тонкая шелковая рубашка с атласным блеском скрыла его фарфоровый торс.

Вскоре А Чжи принесла с собой белое верхнее ханьфу. Оно было взято из багажа Чэнь Жуна, то самое подаренное в первый день. Атласная ткань была расшита по рукавам, отвороту воротника и подолу, белым же шелком, словно морозный узор. Безусловно, очень дорогая вещь.

А Чжи положила одежду перед Чэнь Жуном и не удержалась от вопроса:

— Я думала, молодому мастеру не нравится белая одежда? — «должно быть, он хочет угодить моему хозяину». При этой мысли А Чжи бросила презрительный взгляд на Чэнь Жуна.

Чэнь Жун просто улыбнулся. Он погладил наряд, чтобы полюбоваться им.

— Не ношу... Как может столь вульгарный, безжалостный и нелепый мальчишка, как я, быть достойным этой чистой белой одежды?

После его слов все трое в комнате замерли.

Улыбка Ван Хуна медленно растаяла, он наклонил голову, чтобы взглянуть на Чэнь Жуна.

Чэнь Жун с улыбкой опустил глаза и медленно надел белое ханьфу. Конечно, этот наряд был не по сезону. В таком можно было ходить только в помещении.

— Но я могу носить его и сейчас... если я смог возродиться, то, конечно, я достоин его.

Последняя фраза была немного невнятной, и только служанки слабо ее расслышали.

Когда он закончил одеваться, они начали его причесывать. Юноше надлежало сделать прическу Цзы и заколоть шпилькой, что означало его взрослость.

— Распустите их, — приказал он им бесстрастно.

Горничные застыли.

А Чжи нахмурилась, мягко объясняя:

— Господин, Вы теперь замужний... — она не закончила своё пояснение про собранные заколотые волосы, когда Чэнь Жун холодно отрезал:

— Я хочу, чтобы мои волосы были свободны!

Они опять застыли. Посмотрев друг на друга, служанки повернулись к Ван Хуну.

Ван Хун все еще смотрел на Чэнь Жуна, все это время он спокойно за ним наблюдал. Что-то шло не так. Может не следовало того кусать? Но хотелось привязать посильнее. Поставить метку – один из основных инстинктов.

Не услышав его указов, две служанки сделали все по желанию Чэнь Жуна, просто расчесав спутанные волосы и собрав в высокий хвост.

Потребовалось немного усилий, прежде чем волосы Чэнь Жуна были зприведены в порядок. Неясно, было ли это связано с его новым состоянием, но его красота теперь стала довольно холодной. Эта холодность делала его сияющим и несколько пугающим. Он казался старше своего возраста.

Чэнь Жун отвернулся от бронзового зеркала и встал. Повернувшись, он улыбнулся и спросил:

— С Небесным Напитком прошлой ночью, чья это была идея?

Горничные замерли.

Они невольно повернулись и посмотрели на Ван Хуна.

И снова они увидели, что их хозяин спокойно продолжал смотреть на Чэнь Жуна.

Обменявшись взглядами, младшая наконец хотела что-то сказать:

— Это была я. — вмешалась с улыбкой А Чжи, — Вы расстроены, Господин? Если бы не этот напиток, Вы бы никогда не получили то, чего желали, — она засмеялась и добавила, — Мы знаем, что Вы благородной крови, так что даже если бы Вы любили нашего хозяина, Вы бы не осмелились сказать об этом. Мы только хотели помочь, — она низко поклонилась Чэнь Жуну, наигранно умоляя, — Простите нас, господин.

Чэнь Жун не обернулся. Он подошел к окну, где его фарфоровая рука нежно погладила подоконник, прежде чем потянуться к мечу Ван Хуна рядом с ним.

— Значит, Вы хотите сказать, что подать мне Небесный Напиток, это была идея Вас двоих? — в его голосе послышался намек на улыбку, - и больше никто не в курсе?

Видя, что в его голосе не слышно гнева, А Чжи тоже слегка рассмеялась.

— Да... вы же простите нас, господин? — она и другая служанка еще раз низко поклонились ему.— Мы обеспечили ваше будущее. В Доме Ван вам будет неплохо.

Они вели себя подобно ученым и кланялись Чэнь Жуну, их рты произносили извинения, но их

жесты и риторика оставались легкомысленными, с оттенком презрения в глубинах их душ.

— Говорите, решили моё будущее? Простить Вас за это? — усмехнулся Чэнь Жун. — Тогда кто простит меня? — прошептал он, хватаясь за рукоять меча. — Вы в курсе, что нежелательных свидетелей ошибок устраняют?

Со свистящим звуком меч покинул ножны, солнечный свет отражался от его холодного железа. Когда они увидели, что он внезапно поднял меч, они одновременно закричали:

— Господин, Вы не можете этого сделать, это Дом Ван! — их голоса были полны привычного высокомерия.

Как будто Чэнь Жун не слышал их обвинений. Он поднял меч, слегка постукивая пальцами по его поверхности. Он улыбнулся, услышав резкий лязг от падения ножен на пол.

— Дом Ван Лан'я действительно производит прекрасные мечи!

Словно молния, он метнулся в обратном направлении.

В следующий момент раздался звук пронзенной плоти.

Обе служанки одновременно закричали. Ван Хун, наблюдавший за происходящим со своей элегантной улыбкой, тоже вскочил на ноги, с тревогой наблюдая за Чэнь Жуном.

Тот же обернулся.

Меч в его руке вонзился прямо в грудь А Чжи. Пока кровь девушки вытекала, улыбка на лице Чэнь Жуна стала потрясающе яркой, более приличествующей инициированному демону, чем омеге.

Он вытащил меч, вызвав фонтан крови из тела, а затем поднял руку, чтобы направить покрытый кровью клинок на молодую служанку, находящуюся в истерике. Взмах и голова девушки оказалась почти отсеченной.

Кровь разбрызгалась. Несколько капель упали на его сияющее лицо, придавая его сверкающей улыбке неумовимо жуткое великолепие. Ван Хун облизнул губы от этого вида. В клыках зудело и он едва мог их контролировать. В черных глазах появились красные отсветы.

Только когда меч полностью покинул цель, они слышали тяжелый грохот сбоку. Это было мертвое тело А Чжи, упавшее на пол. Все заняло всего несколько мгновений.

Чэнь Жун снова поднял окровавленный меч, разглядывая его. Он посмотрел на Ван Хуна.

Таким образом, он повернул окровавленный меч по направлению к нему.

Ван Хун уставился на юношу, кажется он даже видел небольшие хищные клыки у того во рту. Что-то подсказывало, что юноша не вполне человек. Скорее всего, полукровка демонического существа. Он слышал о таких, и сейчас сам отпустил в мир такое существо. Ему даже примерещился веер пушистых эфирных хвостов за спиной юноши. Насколько он знал, у таких существ прибавлялся один хвост в сто лет. Ну, или это было связано с врожденной силой наследия...это кто же его мать? То, что мальчик действительно несовершеннолетний, он твердо знал. Значит, сила могла быть только наследственной. Слухи про его мать он слышал в Пинге, когда приказал собрать информацию после первой встречи, но даже не придал им значения.

Но он не знал что этот мальчик из 21 века. И магия милостиво отвесила возрастной бонус к наследию. Небо любило своих омежек по-матерински: искреннее и всеобъемлюще. Мало их было, а таких старательных и вовсе... ну и почему же лапушку-сыночку лишний раз не чмокнуть в попку? В смысле в копчик? Раз так тридцать? Или больше? Да ладно! Уж очень приятный процесс.

— А ты пока живи. Пока молчишь... но о твоей смерти я больше сожалеть не буду. А кристаллы возьми. За труды.

Под его пристальным взглядом Чэнь Жун прошел мимо него и медленно направился к двери.

Цилан повернулся и посмотрел вслед его прямой фигуре в солнечном свете, одинокой и какой-то отчаявшейся.

— А Жун, — услышал он собственный хриплый голос.

Воздушность и элегантность исчезли из его дрожащего голоса. Его голос прозвучал мрачно, с внутренним напряжением, о котором он даже не подозревал:

— Неужели ты настолько презираешь быть моим благородным наложником?

Не оборачиваясь, А Жун показал ему средний палец.

— Жирновато будет для дома Ван иметь наложником омегу в силе. Перетопчетесь.

Чэнь Жун медленно повернулся боком.

Он уголками губ улыбнулся мужчине, который забрал его сердце и осквернил тело. Бросив на него быстрый взгляд, он молча повернулся и толкнул дверь, чтобы уйти.

Он спускался по лестнице, ступенька за ступенькой. Меч, позвякивая, тащился, чиркая кончиком по дереву ступеней и камню дорожки.

Опустив голову, Ван Хун не сводил взгляд с его прямой спины и окровавленного белого ханьфу.

Крики служанок давно насторожили стражников. К ним уже спешили десятки вооруженных людей. Они хотели закричать, но остановились, увидев Ван Хуна, стоявшего в дверях дома для гостей.

Их глаза быстро метнулись к Чэнь Жуну.

Они уставились на него и окровавленный меч в его руке, прежде чем вновь посмотреть на Ван Хуна.

К этому моменту Чэнь Жун уже спустился по лестнице. Он смотрел на двор, полный стражников, преграждающих путь, и его губы растянулись в спокойной многообещающей улыбке. Тело само собой приняло позу наиболее подходящую для ближнего боя с несколькими противниками. Меч описал красивый финт, разбрызгивая кровь.

— Цилан, ты пытаешься меня остановить? — вымолвил он, остановившись, и оглянулся на Ван Хуна. — это чревато...

Его одежда сверкала на холодном зимнем солнце, как и окровавленный меч.

Пока Ван Хун смотрел на него, охранник вышел вперед и сложил руки вместе, чтобы спросить:

— Мой господин, этот мальчик совершил убийство?

Ван Хун ничего не ответил; он все еще смотрел на Чэнь Жуну с каким-то сложным выражением лица. Изначально он хотел, чтобы слуги удержали юного омегу. Но интуиция подсказывала, что это может не получиться. Было что-то чуждое, но невероятно опасное в этом изменившемся юноше. Почему-то он не сомневался, что тот пройдет по трупам его людей. Неужели у мальчика есть дар небесных безумцев (берсерков)? Он не слышал, чтобы подобное было у омег. Но кто его знает? Увидел же он эфирные хвосты краем глаза.

Наконец он махнул рукой.

Увидев его жест, охранники отступили и покинули двор.

Чэнь Жун повернулся, чтобы уйти, когда увидел, что охрана уходит. Каждое его движение в этот самый момент было исполнено непоколебимой решимости и жуткого спокойствия.

Ван Хун ухватился за бамбуковые перила и крикнул вслед белому силуэту:

— А Жун?

Юноша не оглянулся и ни разу не остановился. Держа в руках меч, он продолжал двигаться по улице.

Каждый его шаг оставлял на земле капли крови, образуя пугающий кровавый след.

— А Жун, вернись... тебе некуда идти, — хрипло крикнул ему вслед Ван Хун. — Дом Чэнь тебя не примет, генерал выбрал жену...

Его голос кружился на ветру, подобно падающим листьям. И тот был унесен в мгновение ока, не оставляя после себя никаких следов.

Чэнь Жун не оглядывался. Он даже не остановился. Только рука согнулась с оттопыренным пальцем в незнакомом, но интуитивно понятном жесте.

В воротах выхода из поместья звякнул меч, падая на землю и словно отсекая судьбу одного омеги от другого.

Шаг за шагом он уходил все дальше, и исчезал из его поля зрения, пока совсем не исчез...

<http://erolate.com/book/1285/36187>